

Когда Чанькунь Чжуоюй услышал имя Инь Чанькуня, его бровь едва заметно дрогнула, и он тут же спросил:

— Инь Чанькунь... как Глава секты Инь мог исчезнуть?

В этот момент Чанькунь Чжуоюй был совершенно иным, чем раньше — от него исходила гнетущая аура, будто он слился с самой горой Шу, высокой и опасной, такой неприступной, что невозможно было разглядеть ни мыслей, ни намерений, словно перед ними стоял не человек, а живое воплощение древнего хребта, скрытого облаками.

Рон Цзянь, хоть и был бродячим культиватором, гордился тем, что достиг уровня Зарождения Души — это свидетельствовало о его выдающемся таланте. Однако перед Чанькунем Чжуоюем он не мог даже пошевелиться. Даже его Молот Повелителя Грома, который он лично выковал и в который вселил собственный гордый дух, теперь прижался, как испуганный зверь, и не осмеливался проявить ни капли своеволия.

Раньше Рон Цзянь считал, что Чанькунь Чжуоюй находится на уровне Перерождения Души, но теперь стало ясно, что скорее всего, он уже достиг Великого Вознесения, и при этом невозможно определить, праведный он или демонический путь выбрал.

Но независимо от того, кем он был — повелителем света или тьмы, Рон Цзянь не имел права отказывать. Глядя в его глаза, он не мог удержаться и произнёс:

— Никто толком не знает, что произошло. Примерно год назад над горой Куньлунь внезапно пронеслась полоса розового света. После этого секта Куньлунь созвала всех своих учеников со странствий и запечаталась внутри. Божественный массив Куньлуна ужасен, он сильнейший среди древних божественных формирований. Никто не осмеливался вторгаться, поэтому тот факт, что формирование было нарушено, оставался незамеченным более года. Только когда семья Ли была загадочным образом уничтожена, старейшины Эмэй провели гадание и поняли, что человеческий мир столкнулся с великой катастрофой. Они отправились в Куньлунь, чтобы обсудить с Главой Секты Инь меры против бедствия, и узнали, что именно в ту ночь, когда божественное формирование было пробито, он сам тоже исчез.

[Гора Эмэй — одна из Четырёх Священных буддийских гор Китая. Секта Эмэй часто изображается как престижная даосская или буддийская школа боевых искусств, известная своими мощными техниками меча и высокой моральной стойкостью.]

— Понятно... — медленно произнёс Чанькунь Чжуоюй, и вдруг сорвал с лица маску, которую носил всё это время. Его запylённая одежда вспыхнула белым светом и снова стала безупречными белыми одеяниями, как будто сама материя признала своего господина.

Под замороженным взглядом Ран Цэньцзинь он сказал с достоинством праведного мастера:

— Раз человеческий мир оказался перед лицом катастрофы, гора Шу не может больше

бездействовать. Мы не имеем права оставаться в стороне. Немедленно отправляемся на гору Шу.

Рон Цзянь остолбенел. Контраст между прежним и нынешним обликом Чанькуня Чжуоюя был настолько велик, что он на мгновение ослеп, даже Молот Повелителя Грома выпал из его руки с глухим ударом и покатился по земле, будто сам артефакт был поражён красотой и величием этого существа.

Пока Ран Цэньцзинь была ошеломлена, а Рон Цзянь — парализован, Чанькунь Чжуоюя подошёл к Ли Синлуню.

В этом мире только он один знал истинную личность Ли Синлуна. Услышав, как дважды упоминают гибель семьи Ли, сердце Чанькуня Чжуоюя сжалось, как будто кто-то вонзил в него ледяную иглу. Он раскрыл руки и крепко обнял своего ученика.

— Сяо Син, — передал он голос прямо в разум, — кто бы ни причинил вред твоей семье, я лично уничтожу их, и их души будут прокляты на вечные времена!

Впервые за всё время этот всегда беспечный, показной, почти детски наивный Чанькунь Чжуоюя говорил с такой торжественной решимостью, с такой глубокой серьёзностью, будто сам Дао говорило через него. Замёрзшее сердце Ли Синлуна медленно согрелось. Он поднял руку и крепко обнял Чанькуня Чжуоюя в ответ. В этом мире остался лишь один человек, которого он ещё любил, и этим человеком был его учитель.

Да, Чанькунь Чжуоюя был глуповат, любил хвастаться, воображал себя великим героем, постоянно придумывал фантастические планы... Но всё это было неважно. Важно было только одно — он был его мастером, единственным существом в мире культивации, с которым у него была настоящая связь, не по обязанности, не по выгоде, а по судьбе.

Ли Синлунь прижался губами к плечу Чанькуня Чжуоюя, сдерживая слёзы. В этом тёплом объятии, мягком, как нефрит, ему не нужно было плакать.

Рон Цзянь был в полном шоке. Чанькунь Чжуоюя снял маску только ради того, чтобы обнять ученика? Зачем? И что вообще происходит между этими двумя? Этот юный мастер Пэй... только что поцеловал его в плечо?!

Скорбь Ли Синлуна рассеялась в одно мгновение. Он поднял голову, и увидев недовольное выражение Ран Цэньцзинь и открытый рот Рон Цзяня понял, что если они не объяснят свои действия, подозрения станут неизбежными.

Но Ли Синлунь был не простым человеком. Он немедленно принял задумчивое выражение, положил голову на плечо учителя и тихо, с печалью, произнёс:

— Учитель, я понимаю... Вы рождены, чтобы спасти всех живых. Наши беззаботные дни окончены.

Лицо Рон Цзяня выражало одно: «Вы вообще о чём?»

— Старший Рон, возможно, вы не знаете, — вздохнул Ли Синлунь. — Мы с учителем собирались просто бродить по миру культивации, больше не вмешиваясь в дела мира. Прошлое моего учителя... ах, лучше не говорить. Достаточно сказать, что, услышав о великой катастрофе, он не мог остаться в стороне. Его путь всегда был защищать мир и гармонию. Мы просто... просто скорбим о том, что наши спокойные дни так скоро закончились, и нас снова втягивают в бурю...

Он снова печально прильнул к плечу Чанькуня Чжуоюя. Чанькунь Чжуоюй успокаивающе погладил его по спине и тихо произнёс:

— Сяо Син, не бойся. Я буду защищать тебя, ни одна рана не коснётся тебя.

Эти слова ничего не объясняли, но в то же время говорили достаточно, чтобы Рон Цзянь наполнил свой разум бесчисленными легендами, а Ран Цэньцзинь почувствовала, как её сердце смягчается.

Две тысячи лет назад Сюэ Цяньцзе подавил демонический путь, принеся миру культивации долгие годы мира. Он тоже был тем, кто ненавидел конфликты. Теперь, узнав о великой катастрофе, естественно, что он не мог остаться в стороне.

И действительно, Ран Цэньцзинь была тронута до глубины, с глухим ударом она упала на колени и поклонилась:

— Праведность Главы Секты такова, что куда бы вы ни пошли, чем бы ни занимались, Цэньцзинь последует за вами даже в смерть!

Рон Цзянь всё ещё пребывал в замешательстве, когда услышал, как Чанькунь Чжуоюй сказал:— Раз так, прошу вас, ведите нас и покажите путь, открытый внутри формирования горы Шу.

На самом деле, он должен был испытывать подозрение к этим троим. Ведь Ран Цэньцзинь совсем не выглядела как представительница праведных сект — те змеиные узоры на её рукавах были слишком реалистичны, слишком похожи на символы секты Сотни Цветов. Хотя они и не считались демоническими, праведные секты никогда не признавали тех, кто использует яды, истинными мастерами света, их положение всегда было двусмысленным. Праведный путь инстинктивно воспринимал членов секты Сотни Цветов как принадлежащих тьме. Но аура Чанькуня Чжуоюя была столь подавляющей, а его праведность такой абсолютной, что не оставляла места для сомнений. А выражение лица Пэй Синчэня, полное сострадания и безусловной преданности — «Учитель, сделайте, что сочтёте нужным, ваш ученик всегда будет

поддерживать вас» — лишало Рон Цзяня смелости высказать свои сомнения вслух. В полном оцепенении он повёл троих дальше.

Даже Молот Повелителя Грома в его руках остался тихим, не подавая ни малейшего знака опасности.

Ведь этот молот не был обычным оружием, он мог чувствовать скрытые намерения, обнаруживать ложь и зло. Если он молчал, значит, перед ним не было угрозы. И Рон Цзянь решил довериться.

Так эти трое... вторглись в секту горы Шу?

Конечно, это было не так просто.

Как бродячий культиватор, достигший уровня Зарождения Души, обладающий парой Молотов Повелителя Грома, связанных с его душой, Рон Цзянь уже был известной фигурой в мире культивации, своего рода благородным странником-рыцарем боевого мира. Именно благодаря своей славе и силе он получил приглашение от горы Шу, позволяющее ему войти внутрь их формирования. Но у трёх, что шли с ним, таких приглашений не было и путь для них был закрыт.

— Это... — Рон Цзянь растерялся. Приглашение содержало его духовную печать и не передавалось другим. Только он мог войти. Его спутники были остановлены самим формированием.

— Даос Рон, не беспокойся, — легко сказал Чанькунь Чжуоюй, раскрывая бумажный веер. — Просто отойди в сторону и наблюдай. Отличная возможность проверить, на что способен веер.

Ли Синлунь: ...

Учитель, хватит. Мы только что замаскировали ваш бред про веер, а вы снова собираетесь себя выдать! Даже если ваша сила не имеет себе равных, как может обычная бумажная игрушка выдержать вашу истинную энергию? Стоит только направить ци и он рассыплется в пыль!

Но Чанькунь Чжуоюй не заметил предостерегающего взгляда Ли Синлуна. Вместо этого он достал кисточку — тот самый красный шнур, который Ли Синлунь сплёл из волос и повесил на деревянный меч, и аккуратно прикрепил её к вееру, как подвеску.

Ли Синлунь: ...

Конечно, этот шнур был частью загадочного облачения Чанькуня Чжуоюя, он был соткан из белого тумана, рождённого его собственной сущностью. Естественно, он мог выдержать любую энергию. Сияя ослепительным светом, шнур окутал веер, и тот взмыл в небо, как живое

существо.

Чанькунь Чжуоюй принял торжественную позу и громко провозгласил:— Восстань! Рассеки!

Веер превратился в полосу радужного света и резко ударил по формированию горы Шу.

Мгновенно на четверых обрушилась леденящая душу убийственная аура. Рон Цзянь, обладавший приглашением, почти не почувствовал давления, но Ран Цэньцзинь и Ли Синлунь не смогли, особенно Ли Синлунь, который сразу же выплюнул кровь.

Увидев это, Чанькунь Чжуоюй немедленно взмахнул деревянным мечом, вырезав глубокую трещину в горе между ними и формированием. Затем он вонзил меч в скалу, и через него хлынула буря истинной энергии, насильно вытягивая духовную силу неба и земли горы Шу, создавая перед ними мощный барьер, который отразил всю тяжесть формирования.

Перед лицом этой устрашающей силы небес и земли Чанькунь Чжуоюй лишь развёл рукава и произнёс с изящной надменностью:

— Пока я здесь, вы не причините им ни малейшего вреда.

Формирование горы Шу явно разъярилось. Тысячи теней меча обрушились, словно буря. Чанькунь Чжуоюй протянул руку и поймал «Веер Тёмного Мороза Подземного мира», раскрыл его и одним движением отразил все тени. Затем он сложил веер и взмахнул им, как мечом. Его фигура стала белым пятном, мерцающим среди звона стали, и один за другим все тени попадали на землю, разбитые вдребезги. Он остался один, держа веер, гордо стоя перед формированием горы Шу.

Глубокий, торжественный звон меча не прекращался, и мощное божественное давление охватило всех. Даже с приглашением героя Рон Цзянь не мог выдержать эту силу.

Фиолетовый и синий Близнецы!

Они были пробуждены Чанькунем Чжуоюем.

Из самых недр горы Шу в небо взметнулись два луча света. Перед Чанькунем Чжуоюем издавая протяжный рёв закутились два дракона — фиолетовый и синий.

<http://bllate.org/book/14629/1297996>